

УДК 930.253+930.23+94

ПРОБЛЕМА СИНТЕЗА НАУЧНЫХ, БОГОСЛОВСКИХ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИДЕЙ ИСААКА НЬЮТОНА

© 2019 г.

К.С. Шаров

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

const.sharov@mail.ru

Поступила в редакцию 02.09.2019

Рассматриваются возможности и перспективы формирования интегрального понимания естественнонаучных, богословских, математических и историографических идей английского мыслителя Исаака Ньютона на основе исследования его архивов. Выдвинута гипотеза, согласно которой адекватный синтез научных (натурфилософских), богословских и историографических идей английского мыслителя может быть реализован на основе анализа особенностей его неортодоксальной христианской веры.

Ключевые слова: новоевропейская наука, Ньютон, когнитивный интегрализм, математика, герменевтика, христианство, теология, натурфилософия, историография.

Введение

Одной из главных проблем в правильном понимании взглядов Исаака Ньютона является задача синтеза его научных (натурфилософских), теологических и историографических взглядов. До сих пор многим исследователям его творчества эти взгляды кажутся настолько различными, что данные исследователи склонны заранее отказаться от идеи синтеза, т. е. от попытки понять все творчество Ньютона в интегральном контексте. Существует достаточно распространенная практика рассматривать любые идеи Ньютона вне его натурфилософии и математики как прихоть, эксцессы, некоторую псевдонаучную деятельность, религиозно-экстатическую одержимость либо следствие старческого слабоумия и прочие проявления «гениальной взбалмошности» [1, р. 210]. Думаю, такой подход нельзя считать верным, поскольку в его рамках мы теряем, по словам И.С. Дмитриева, «другого» Ньютона и упускаем более 90% его трудов по богословию, химии, истории, историографии, экономике, финансам, политике, праву [2, с. 16–17].

Работа с архивным наследием Ньютона открывает для нас новые методологические и когнитивные горизонты [3]. В данной обзорной работе моей целью будет анализ ситуации по формированию когнитивного интегрализма (сам термин будет пояснен в тексте статьи) восприятия творчества Ньютона в мировом научном сообществе на данный момент. Также я попытаюсь очертить (или, по крайней мере, наметить) схему, как можно было бы методологически совместить Ньютона-ученого, Ньютона-богослова и Ньютона-историка, прийти к

интегральному пониманию великого мыслителя по разрозненным и мало связанным друг с другом фрагментам. Методология включает приемы и принципы архивных исследований.

Ньютон-математик и пионерская работа Томаса Уайтсайда

В 1811 г. историк науки Август де Морган задумался, когда же появится богослов, который был бы также математиком, способный осуществить синтез идей Ньютона и сложить единую картину ньютонианства из многочисленных деталей мозаики [4, р. 12]. По мнению де Моргана, такой исследователь должен быть редким эрудитом, который мог бы относиться к математике и изучению «мудрости древних» с равным мастерством и энтузиазмом. Спустя более ста лет после того как де Морган констатировал данный факт, британский математик Дерек Томас Уайтсайд приступил к выполнению подобной задачи, став первым из плеяды ученых и одновременно крайне эрудированных людей (хотя он не был богословом), попытавшихся достичь интегрализма в реконструкции ньютоновской мысли.

Уайтсайд родился в семье чернорабочего в Блэкпуле в 1932 г., но закончил Блэкпульскую гимназию и поступил в Бристольский университет, получив стипендию на обучение от Королевского общества. Там он изучал французский, латинский и математику. После короткого периода службы в армии он поступил в докторантуру в Кембридже для работы над диссертацией под названием «Образцы математической мысли в конце XVII в.» [5]. Выполняя исследование для своей диссертации, в мае 1958 г. он

поинтересовался в библиотеке, есть ли в университете какие-либо манускрипты Ньютона, и библиотекарь извлек на свет давно забытый ньютоновский «портсмутский архив» (Архив графа Портсмута, содержащий множество естественнонаучных сочинений Ньютона, которые граф передал в Библиотеку Кембриджского университета), который британские ученые Адамс и Стокс каталогизировали более семидесяти лет назад [1]. Это послужило началом грандиозного проекта, который продолжался двадцать три года, в результате чего научный мир получил в свое распоряжение восемь томов неизвестного, а лучше сказать, забытого Ньютона. Уайтсайд назвал свой грандиозный проект «Математические документы Исаака Ньютона» [6].

К 1981 г. Уайтсайд наконец предоставил научному сообществу то, чего многие ждали в течение десятилетий и отчаялись уже когда-либо увидеть, – осмысление математической глубины Ньютона в контексте всей его мысли, построенное на архивной точности и всеобъемлющем охвате. Достижение Уайтсайда было единогласно признано вершиной исследований Ньютона на тот момент [7, р. 86]. Издание Уайтсайда было не просто обычной публикацией математических рукописей Ньютона. Как человек очень широких взглядов и интересов этот британский ученый попытался осуществить синтез научных, религиозных воззрений Ньютона и его историографических теорий, например цивилизационной теории. Однако не стоит забывать, что Уайтсайд ориентировался только на «портсмутский архив» и те теологические ньютоновские идеи, которые там отражены – а это не более 2–3% всего богословского наследия Ньютона. Он не имел доступа к основному пласту богословских работ Ньютона, которые разошлись по миру после распродажи на аукционе *Sotheby's* в 1936 г. [3]. Тем не менее попытка Д. Уайтсайда (несмотря на то что огромное количество представителей научного сообщества не признало даже самой возможности синтеза научных, исторических и богословских идей Ньютона) впервые показала нам «объемного», не «плоского» Ньютона – Ньютона, которого невозможно уже было назвать предтечей просветителей и втиснуть в прокрустово ложе рационалистического и атеистического позитивизма контовского духа.

Стремление к строгости понимания ньютоновской мысли – это та задача, которую один из самых известных исследователей творчества Ньютона нашего времени Ричард Уэстфолл назвал «бескомпромиссной техничностью редакторских комментариев» [7, р. 87]. И в конце концов, этот перфекционизм Уайтсайда и

стремление к математизации отпугнули многих ученых от тщательного исследования его труда [1, р. 81]. Издание Уайтсайда положило начало традиции тщательного изучения ньютоновской мысли, однако оно не предназначалось для широкой аудитории. Для некоторых исследователей Ньютона наглядность и интуитивная доступность были важнее, чем подробности ньютоновской математической техники.

Как заметил Уэстфолл, чтобы полностью оценить ньютоновские зашифрованные математическим языком идеи, недостаточно просто быть хорошим или даже отличным математиком [8, р. 176]. Ряд ньютоновских манускриптов математически настолько сложен, что требует весьма глубоких и нетривиальных математических знаний исследователя. Но, с другой стороны, профессиональные математики не были заинтересованы в ньютоновской философии, его богословии и историографических приложениях ньютоновских математических методов. Так что сложилась непростая ситуация: кто мог понять математические шифры Ньютона в истории цивилизаций, религий и церкви, не интересовался содержанием зашифрованных знаний, а кто был заинтересован именно в их содержании, не мог понять, как до него добраться. Историки науки и даже историки творчества самого Ньютона, которые были достаточно опытны в сферах математики и естествознания, могли бы справиться с тем, чтобы, основываясь на достижениях Уайтсайда, продолжить воссоздавать картину ньютоновского интегрализма, однако, по сути, все отказались это делать. Ричард Уэстфолл выдвинул идею, что это было не случайно. Многие исследователи Ньютона оставили саму мысль осуществить синтез идей Ньютона, поскольку, как пишет Р. Уэстфолл, после ознакомления с «портсмутским архивом» их не покидало ощущение, что технический уровень намеренно установлен Ньютоном как вызов научному сообществу – сообществу как своего времени, так и последующим поколениям [8, р. 176].

Этот парадокс Ньютона прослеживается во многих его рукописях: он хотел сообщать свои мысли только тем немногим избранным, которые были бы подготовлены, чтобы следовать его рассуждениям – вероятно, по той же причине Ньютон не любил публиковаться. Уайтсайд, похоже, в манере своего издания до определенной степени подражал самому Ньютому, поскольку исследователю, не подготовленному в области математики, будет крайне затруднительно понять логику не только Ньютона, но и Уайтсайда.

Противопоставление Ньютона-ученого и «другого» Ньютона

Как указывает Сара Драй, после Д. Уайтсайда на Западе несколько ученых стали исследовать «неизвестного» Ньютона, пытаясь пробраться в труднодоступные архивы [1, р. 85]. Все чаще «математический» и «научный» Ньютон в их исследованиях сталкивался лицом к лицу с другими своими «копиями», чьи историографические и богословские интересы часто смущали, раздражали или приводили в замешательство многих из этих исследователей. В 1991 г. научное сообщество получило доступ (пусть и не полный) к иерусалимскому архиву (Архив ньютоновских трудов, собранный историком и общественным деятелем А.Ш.И. Яхудой), но результат первичного исследования данного архива (архива Яхуды), я бы сказал, не был конструктивным. Старого мифа о Ньютоне-рационалисте больше не было, кстати, с моей точки зрения, он не был по-настоящему жизнеспособным уже после исследований де Моргана в XIX в.; но и портрет нового Ньютона не появился. Более того, осмелюсь утверждать, что он не появился и поныне – как в России, так и на Западе.

По результатам новых исследований ньютоновских архивов 1990–2000-х гг. Ньютон предстал перед человечеством неким Янусом, не одним мыслителем, а человеком со многими лицами, иногда крайне трудно совместимыми друг с другом: исследователем «мудрости древних», историком религии и церкви, древних цивилизаций, толкователем Библии, экзегетом, эсхатологом, богословом, прошедшим путь от англиканизма к унитаризму, от унитаризма – религиозной ереси арианского толка – до практически православного понимания Бога, теоретиком педагогики, политэкономом, финансистом, автором правовых доктрин...

Как выразился Уэстфолл, когда ученые начали активно исследовать ньютонианство, «Ньютон из учебников развалился, и пока еще никто не собрал фигуру в единую форму» [8, р. 176]. Удивительно, но когда издание Уайтсайда – то, что Уэстфолл назвал «лучшим изданием научных работ всех времен», было завершено, тогда оказалось, что оно уже не полностью устраивает научный мир [9, р. 118–120]. Все-таки Дерек Уайтсайд, оставаясь в первую очередь математиком, свел все многообразие занятий Ньютона к приложениям математики. В его работе явно прослеживалась идея, что ньютоновские богословие, философия и историография, хотя и безусловно важны, но тем не менее носят вспомогательный характер по отношению к непосредственно математическим вы-

числениям, являются своего рода иллюстрациями ньютоновской математики. То есть в понимании Уайтсайда ньютоновские философия, теология и историография – не самостоятельные области исследований, а, скорее, отличные иллюстрации эвристического потенциала ньютоновской математики [10, р. 235].

Однако даже поверхностный анализ теологических рукописей кейнсианского и иерусалимского архивов Ньютона может привести нас к мысли, что это, в общем-то, не совсем правильное утверждение. Скорее, было наоборот: математика часто являлась примером или иллюстрацией богословских и историографических идей английского мыслителя, иногда – шифром для кодирования этих идей от непосвященных или невежд и всегда, по словам Ньютона, своего рода языком Бога.

После завершения издания Уайтсайда обширная академическая работа стала проводиться не только по исследованию работ привычного Ньютона классического толка – знакомого всем со школы гения математики и физики, но и «нового», «другого» Ньютона. По словам Сары Драй, этот «другой» Ньютон был не постоянным, а изменчивым, неуловимым, совершенно разным в своих разных ипостасях [1, р. 102]. По мере того как все больше исследователей изучали ньютоновские неопубликованные документы, появлялось все больше «дубликатов» Ньютона, часто обладающих почти сверхъестественным сходством с учеными, которые нашли те или иные грани его творчества. Думаю, в этом проявилась удивительная сила воздействия личности Ньютона на тех, кто глубоко изучал его идеи, – эта непостижимая сила в свое время захватила и меня, и, быть может, Ньютон-историограф, труды которого я преимущественно изучаю в архивах, склонен проявлять какие-то исследовательские особенности, сходные с моими собственными!

Герметизм Ньютона в его историографии

Исследования по новоевропейскому герметизму дамы Фрэнсис Йейтс, одной из плеяды ньютоновских исследователей после Уайтсайда, показали, что герметические воззрения Ньютона сыграли важную роль не только в его собственной науке и философии, но и во всей науке его времени [11, р. 241]. Публикация тома III переписки Ньютона в 1961 г., охватывающей 1686–1694 гг., продемонстрировала, что Ньютон очень много написал в теологической и в сфере историографии, в том числе в эпистолярном жанре, именно в те годы, когда он составлял свой главный научный труд «Математические начала натуральной философии».

С. Драй подчеркивает, что «вдохновенные анализом Йейтс и новыми ньютонскими рукописями, ученые приступили к подробному описанию разных граней творчества Ньютона» [1, р. 204]. Она не преуменьшает масштаба предпринимаемых ньютонских исследований в конце XX – начале XXI в. Так, например, Дж.Э. Мак-Гвайр и П.М. Раттанси в своей статье «Ньютон и флейта Пана» использовали неопубликованные ньютонские источники, чтобы показать, что Ньютон в контексте своей историографии очень интересовался герметической традицией *prisca sapientia*, согласно которой некоторая элитарная часть философов и священнослужителей сохраняла и развивала древние знания на протяжении веков, даже тысячелетий, со времен первых цивилизаций вплоть до эпохи Возрождения [12]. Далее Мак-Гвайр показал, что полная картина метафизики Ньютона, скорее всего, намного более иерархичная и сложная, также более тесно связана с теологией и историей стран и народов, чем та, которая содержится в его опубликованных книгах, «Математических началах» и «Оптике» [13]. Дэвид Кубрин, опираясь на богословские и историографические манускрипты в Кейнсианской архивной коллекции, попробовал воссоздать видение Ньютоном циклической истории человечества, связанное с космическими циклами [14]. Бернард Коэн в основном интересовался физическими исследованиями Ньютона и возможной связью его физики, религии и исторических исследований [15]. Бетти Джо Доббс, наряду с дамой Йейтс, одна из немногих женщин в этом кружке, указала, что ньютонскую (ал)химию нельзя игнорировать для понимания интегрального Ньютона, правда, она считала ее в большей степени мистической алхимией, чем настоящей наукой [16].

Интерес к историографическим трудам Ньютона возник во второй половине XX в. после архивных исследований американского историка науки Дэвида Кастильехо, хотя, безусловно, Кастильехо так же, как и Д. Уайтсайд, имел доступ только к очень малому количеству теологических и историографических рукописей – правда, других рукописей, чем в свое время Уайтсайд. В 1981 г. этот ученый опубликовал свою книгу «Сила расширения» (*Expanding Force*), в которой на основе анализа тех немногих манускриптов, к которым он смог получить доступ, Кастильехо попытался соединить пророческую экзегезу и историографию Ньютона [17]. Кастильехо отталкивался от правильной стартовой концепции: показать, что все ньютонские неопубликованные и опубликованные работы – его механика, оптика, химия, теоло-

гия, история цивилизаций и религий – на самом деле являются результатом одного и того же когнитивного и методологического подхода. Однако в силу того, что он имел доступ всего лишь к нескольким богословским манускриптам Ньютона, его рассуждения, хотя и верные по существу, грешат в точности интерпретации ньютонских идей.

Работа со слишком малым числом рукописей привела Кастильехо к неточным и подчас даже мифологическим выводам относительно ньютонских взглядов на всемирную историю. Например, он утверждал, что Ньютон пытался придумать универсальную силу расширения, обратную силе тяжести, и эта сила была движущей силой исторического процесса [17, р. 84]. Эта сила распространялась и на историю, и на физику, тем самым связывая хронологию Ньютона в его историографии с его естественно-философскими трудами [1, р. 86]. По Кастильехо, эта «сила расширения» проявилась в излучении света, химии, биологическом росте и даже в разумном поведении людей [17, р. 15, 85]. Однако тщательный анализ показывает, что никакой мистической «силы расширения» Ньютон не признавал ни в физике, ни в истории человечества. Кастильехо также применил нумерологический анализ к материалам Ньютона, пытаясь расшифровать такое огромное количество нумерологических историографических систем Ньютона, касающихся хронологий и датировок, что почти невозможно следовать его логике. Иногда логика Кастильехо уходит в крайний герметизм и мистицизм, которых не было у самого Ньютона. Например, он утверждает, что есть нумерологическое соответствие между четырехсторонним лучом света, который исследовал Ньютон, и четырехсторонним Храмом Соломона, размер которого вычислил английский ученый [17, р. 78]. Думаю в подходе Кастильехо слишком много мистицизма, чтобы он мог служить основой по-настоящему последовательного научного исследования историографической теории Исаака Ньютона. Она хороша для самого Кастильехо, но крайне трудна для воспроизведения выводов исследователя, если кто-либо попытается применить ее в своем собственном анализе ньютонских неопубликованных манускриптов.

Замечательный исследователь архивов Ньютона Фрэнк Мануэль представил множество биографических исследований Ньютона, одно из которых касается его как историка (оно в основном опирается на изучение архива Кейнса и рукописей в Новом колледже в Оксфорде) [18], а другое – личности Ньютона, в котором привлечены приемы и методы психоанализа,

чтобы пересмотреть контекст некоторых ньютоновских рукописей [19] Мануэль также был первым исследователем, который после Кастильехо предпринял попытку исследовать ньютоновские рукописи из архива Яхуды в Иерусалиме [20].

Ричард Уэстфолл, один из наиболее выдающихся исследователей Ньютона в XX в., хотел примирить взгляды Брюстера о Ньютоне с современными. Даже библиотека Ньютона, давно забытая, получила новое научное осмысление. Джон Харрисон, смотритель Флотской тюрьмы, купивший библиотеку Ньютона после его смерти, насчитал в ней около 2100 книг, описывая, какие из книг имели пометки Ньютона или загнутые странички (его Библия 1660 г. была наиболее «зачитанной» и «исписанной» из всех книг библиотеки!) [21]. Каталог Харрисона помог определить сферу научных интересов Ньютона, поскольку Ньютон не тратил деньги и не держал в библиотеке книг, которые подробно не изучал.

Для такого экстраординарного интереса к творчеству Ньютона во второй половине XX в. было множество причин. Одна из причин – широта научных интересов. «Кто-нибудь когда-либо читал, аннотировал, изучал больше, чем Ньютон?» – задался вопросом А.Р. Холл [22, р. 307]. Сам Холл в значительной степени способствовал пониманию научным сообществом личности Ньютона, особенностей его повседневной жизни, круга его знакомств.

Далее, неопределимый вклад в развитие представлений о контексте, природе и влиянии ньютоновской теологии внесли Ричард Попкин и Джеймс Форс [23]. Они постарались совместить некоторые архивные неопубликованные материалы Ньютона по теологии и историографии, рассматривая Ньютона в первую очередь не как независимого мыслителя-гения, а как представителя своего поколения, одного из многих теологов и историографов XVII–XVIII вв. Эти ученые первыми указали на герметизм ньютоновской историографии и ее теснейшую связь с его богословскими воззрениями [23, р. 54].

Наконец, одни из последних работ по осмыслению герметическо-богословской колллекции историографических работ Ньютона принадлежат перу канадского профессора Стивена Снобелена (см., например, [24]). Снобелен попытался провести интегральное исследование богословских и историографических взглядов Ньютона на материалах не одного конкретного архива, а многих архивов, что само по себе уже достижение. Этот исследователь представил описание некоторых рукописей Ньютона. До Снобелена практически никто не подозревал,

что они могут иметь серьезное историографическое значение. Например, ученый подробно проанализировал математические вычисления Ньютона относительно наступления апокалиптических времен и конца света. Однако, несмотря на многочисленные плюсы работы Снобелена, приходится признать, что он практически во всех своих работах показывает Ньютона законченным и убежденным религиозным еретиком (*damned heretic* – «проклятым еретиком»). Поскольку тема еретических взглядов и религиозной ортодоксии/гетеродоксии Ньютона слишком сложна, чтобы осветить ее в одном-двух абзацах в данной работе, лучше оставить ее до следующего раза, когда будет возможность уделить ей достойное внимание.

Отдельно можно упомянуть вышедшую в 2003 г. книгу израильской исследовательницы Айвал Лешем «Ньютон о математике и духовной чистоте», где автор показала непосредственную связь математики, теологии Ньютона и его герметических воззрений на глобальную историю человечества [25]. Ньютон считал богословие и математику равными сферами знания с точки зрения их эвристической ценности, а также полагал, что они могут выступать отличными инструментами исторического исследования.

Влияние личности Ньютона на его сочинения

Привычка постоянно читать, писать очерки, записывать свои идеи и делать заметки, приобретенная Ньютоном еще в студенческие годы [1, р. 64], помогает понять его интерес к очень разным областям знания.

Как некие артефакты мышления во всех многочисленных формах, ньютоновские рукописи подробно документируют ход его размышлений. Они показывают молчаливого и вдумчивого Ньютона в Кембридже, рассуждающего с будущими читателями его рукописей. И они же показывают экстравертного Ньютона лондонского периода, Ньютона-политика, юриста и финансиста.

Ньютон основал в исторической науке, философии и богословии течение ньютонианства и имел множество учеников. Через два-три поколения после Ньютона люди, которые никогда его не видели и не были знакомы с ним лично, продолжали называть себя ньютонианцами [3, т. 1, с. 241]. Однако – парадокс! – не нашлось ни одного ученика, который продолжил бы дело Ньютона – синтез научных, богословских и историографических идей, – ученика, который был бы столь же талантлив, как и учитель.

Майкл Махони, один из авторов в глобальном проекте Уайтсайда, еще в 1984 г. посетовал, что ни один ньютоновец не продолжил дела Ньютона и поэтому великое богатство его знаний осталось невостребованным в его неопубликованных работах и перешло во владение людям, которые даже близко их не оценили по заслугам [26, р. 371]. Махони, бесспорно, прав, но думаю, ситуация еще сложнее.

Ни один из учеников Ньютона не был, как и учитель, одновременно человеком, открытым для научных знаний и страстным верующим, видящим окончательный и предельный смысл своей жизни в исследовании божественной Истины. Ньютон никогда не был женат как настоящий «рыцарь веры», как истинный воин Христа, который не связывает себя житейскими узами, стремясь угодить военачальнику (ср. 2 Тим. 2: 4). На это можно возразить, что, например, Пьер Абеляр, Торквато Тассо или Серен Кьеркегор тоже никогда не были женаты, что не мешало им влюбляться и даже погружаться в любовные утехы. Но не таков был «обет безбрачия» Ньютона. За свою жизнь он никогда не проявил интереса ни к одной женщине – ни на словах, ни в поступках, ни в мыслях, ни на деле, говоря о том, что всего себя отдал науке.

Он не был черствым человеком – он приютил у себя осиротевшую племянницу Кэтрин Бартон и всегда заботился о ней. Он дружил со многими (хотя сближался с людьми очень трудно), а когда жил в Лондоне и вовсе стал светским человеком. Однако он не мог и не хотел посвящать себя никакой женщине, отдавая все-го себя Богу и делу служения Ему – служения не в церкви, ибо Ньютон добровольно отказался от рукоположения, а за письменным столом в своей лаборатории – служения своим умом, своей бессмертной душой, своей совестью, всем своим существом. С теми, кто пытался познакомиться с достойными, красивыми и светскими женщинами – женщинами из высшего общества, хорошо воспитанными, тонкими и образованными, Ньютон ссорился. Досталось даже Джону Локку – одному из самых преданных Ньютонову людей. Ньютон воспитывал Кэтрин как приемную дочь и, как ни удивительно для такого ученого-аскета, был превосходным отцом. Но он никогда не разделял себя между женщиной и Богом.

Влияние социальных факторов на Ньютона

Насколько самостоятельно Ньютон доходил до той или иной идеи? Дело не в том, насколько он был вторичен. Естественно, Ньютон никогда в своих работах и идеях не был вторичен, что бы ни утверждали его враги Лейбниц или Гук. Иначе говоря, насколько широко он использо-

вал данные, полученные другими, для развития своих собственных концепций? Желание представить Ньютона одиноким мыслителем сохраняется в современной литературе о нем, несмотря на то что мы доподлинно знаем, что он остро нуждался в работах и опытных данных многих исследователей, например, астрономических данных, полученных Джоном Флемстидом, математических достижениях братьев Бернулли, физических и биологических наблюдениях Гука и прочих.

Несмотря на недоверчивость и подозрительность по отношению к людям, Ньютон никогда не был отшельником, хотя, возможно, и был до определенной степени социопатом. Ньютон сблизился с химиком Джованни Вигани, рассматривая его как потенциального талантливого ученика, но резко и бесповоротно прервал дружбу и всякие отношения с ним после того, как Вигани за чаем у Ньютона рассказал обществу непристойную с точки зрения религии историю [27, vol. 2, р. 138]. Последние тридцать лет своей жизни Ньютон провел в чрезвычайно бурной атмосфере политического и административного Лондона, где принимал в своем доме первых людей государства. Принц Джордж Датский, супруг королевы, дружил с Ньютоном, а сама довольно взбалмошная королева Анна подчас навещала к Ньютону без приглашения, так что он должен был быть поистине светским человеком, а вовсе не ученым-аскетом, запершимся в своей библиотеке. Безусловно, круг общения Ньютона был огромен. Однако до сих пор неясен вопрос, до какой степени это общение влияло на формирование его идей?

Для исследователей, работающих непосредственно с трудами Ньютона, кажется естественным исследовать его личное пространство и психологический профиль. Однако зачастую они склонны представлять Ньютона эдаким чудачком, общающимся больше с персонажами своих трактатов, чем с реальным миром, неким сумасбродом, потерявшим связь с настоящей жизнью. Например, Сара Драй пишет следующее: «Когда он сидел в одиночестве за своим столом с пером и бумагой в руке, он беседовал с вандалами и вестготами четвертого века; с аллегорическими фигурами из алхимических текстов, таких как «Трезубец Нептуна», «Зеленый лев» и «Кадуцейский жезл Меркурия»; с фантазмагорическими монстрами, всадниками, шлюхами и королевами – персонажами книг Даниила и Откровения; и с математическими моделями, которые наполняли его воображение» [1, р. 220].

Она, увы, далеко не одинока в таком достаточно упрощенном восприятии влияния традиций на формирование мировоззрения Ньютона.

Религиозная вера Ньютона как возможное основание его когнитивного интегрализма

Полагаю, способность Ньютона быстро переходить от одной интеллектуальной сферы к другой может быть лучше всего понята в аспекте его религиозной веры. Он верил в мир, управляемый божественным началом и провидением, в котором Всевышний требует от нас не закапывать данные нам таланты в землю, а приумножать их. Крайнее разнообразие и сложность мира послужили основой естественной теологии Ньютона – теологии, происходящей из наблюдений за действиями законов и постижения основ существования природы и общества. Секреты, скрытые в пророчествах, стали основой его экзегетической теологии.

Понимание когнитивного единства Ньютона как мыслителя – одна из главных целей его исследователей в современности. Поскольку в различных работах, о которых я упомянул выше, были раскрыты новые грани творчества Ньютона, историки науки попытались объединить их все вместе, чтобы достичь интегрализма ньютоновских взглядов. К сожалению, такие начинания до сих пор не вполне успешны. Думаю, это связано с принципиальным нежеланием современного научного сообщества воспринимать Ньютона в первую очередь как «рыцаря веры», который сам себя считал страстным «службой Божьим» (цит. по: [30, p. 158]), а уже во вторую – кем угодно другим. В связи с этим становится понятным и то, почему Ньютон как историк – это в первую очередь историк религии и церкви. Предложенная Ньютоном историографическая теория развития стран и народов во всей своей полноте представляет крайне необычную версию цивилизационной теории, несколько не похожую на те цивилизационные теории, к которым мы все привыкли, например, разработанные Ж. Кондорсе, И.Г. Гердером, Я.К. Буркхардтом, Г.Т. Боклем, А. Тойнби, С. Хантингтоном, Э. Тоффлером или Ф. Фукуямой. В цивилизационной концепции Ньютона именно развитие религий и религиозных организаций во многом объясняет политические, правовые, социальные и экономические особенности развития различных обществ. Весь ход человеческой истории, всемирного исторического процесса, по Ньютону, управляется волей Божьей – или Божьим попустительством, а исторические события представляют собой реализацию грандиозного божественного плана устройства и развития Вселенной.

Сейчас, когда уже вторая декада XXI в. подходит к концу и когда доступность неопубликованных ньютоновских текстов (а они составля-

ют около 95% его творчества) возросла на порядок, как наше, так и западное научное сообщество, по-видимому, все еще не готово воспринять Ньютона таким, каким он был на самом деле [28, 29]. Это возлагает на нас большую ответственность как на исследователей творчества великого английского мыслителя и ставит крайне актуальные задачи.

Некоторые западные ученые стремятся выбросить из творчества Ньютона то, что не укладывается в неолиберальную модель его личности, и зачастую с водой выплескивают и ребенка. Многие российские исследователи науки из числа физиков и математиков отвергают теологию и историографию Ньютона на основании того, что тогда рухнет миф о Ньютоне-атеисте, рационалисте и просветителе, который якобы создал модель геометризации Вселенной, в которой не требовалось присутствия Бога. Такой миф об Исааке Ньютоне, который бы делал его копией Лапласа, заявившего в свое время Наполеону Бонапарту, что его научная теория в присутствии Бога не нуждается, до сих пор очень живуч, особенно в российском научном сообществе. Пока что большинство ученых по разным причинам уклоняется от задачи синтеза ньютоновских научных, богословских и историографических идей.

Полагаю, что именно единство взглядов Ньютона в науке (натурфилософии), богословии и историографии, сцементированное религиозной верой ученого, хотя подчас и неортодоксальной, удерживало его от мистики, а также методологически соединяло его цивилизационную теорию с его метафизикой. В своей историографии он часто впадает в мифотворчество, но никогда – в мистицизм, как немецкие романтики спустя век.

Исследования биографии Ньютона для понимания единства взглядов являются неплохой психоаналитической базой. Например, Фрэнк Мануэль использовал термин «всеподавляющее желание» [19, p. 154–155], чтобы описать стремление Ньютона найти скрытый порядок в мире. «Если природа была согласна с самой собой, – пишет Мануэль, работая над тем, чтобы постараться связать богословские, историографические и научные начинания Ньютона воедино, – то точно так же и ум Исаака Ньютона» [1, p. 211; 19, p. 156]. Мануэль утверждает, что Ньютон имел непреодолимое, всепоглощающее стремление найти порядок в том, что, казалось, было хаотичным нагромождением фактов, чтобы отделить от обширной, громоздкой массы фактов и наблюдений за природой и обществом основные принципы, которые охватывали бы

целое и определяли отношения его составных частей [19, p. 103].

Для Мануэля, как утверждает С. Драй, ментальное единство Ньютона основывалось на его главной психологической потребности – потребности в постоянном поиске истины [1, p. 218]. Скорее всего, именно религиозная вера Ньютона была путем к такому поиску, некоторым концептуальным «цементом», скрепляющим его самые разнообразные занятия.

Заключение

Трудность понимания ньютоновских идей *в целом*, т.е. в интегральном контексте, с моей точки зрения, кроется в основном в следующем:

1. Ньютон феноменально не любил публиковать свои произведения, и до сих пор около 95% его трудов остаются неопубликованными и доступны лишь как архивный материал. Возможно, в этом сказался его интеллектуальный элитизм и эпистемологический дуализм: он считал, что нельзя метать бисер перед свиньями и истинное знание должно быть скрыто от невежественной толпы дилетантов, стремящихся лишь освидетельствовать истинного мыслителя. Истинное знание – это знание философов, мудрецов, священников, оно имеет абсолютный характер. Обычное знание, знание обывателей, относительно. Ньютон полагал, что знание с древних времен делится на открытое, доступное всем, однако это знание низкого уровня, и закрытое, передаваемое лишь избранным ученикам и мудрецам.

2. Ньютон за очень редким исключением никогда не описывал полностью тот или иной предмет в одном произведении (одной рукописи). Зачастую он так распределял свои рассуждения, что, не прочитав шести-семи манускриптов, просто невозможно полностью понять его идеи.

3. Ньютон любил зашифровывать свои идеи и находки: иногда это был математический шифр, а иногда – герменевтический. На первом, явном уровне текста Ньютон часто не высказывал всех идей открыто; для понимания рукописи подчас требуется хорошее знание контекста и владение материалом, умение читать между строк, некоторое герменевтическое соответствие горизонтов познания Ньютона и его исследователя.

4. До 1991 г. большинство теологических сочинений Ньютона были недоступны академическим исследователям, поскольку они являлись частью закрытых частных архивов, а затем – предметом долгих судебных разбирательств.

При изучении одной сферы деятельности Ньютона выявляется, что она связана со многими другими. Так, его цивилизационная теория, в которой он развил свои взгляды на историю

человеческого общества в целом, историю древних цивилизаций, историю религий и церквей, пересмотрел хронологию Древнего мира, сделал предположения относительно будущего развития отдельных стран и народов, базируется на его натурфилософском дуализме в понимании пространства и времени, а также на его гетеродоксальной теологии. Невозможно понять идеи Ньютона-историка без тщательного изучения Ньютона как физика, натурфилософа и богослова!

Для классических исследователей творчества Ньютона, которые изучали его традиционное трио оптики, математики и натурфилософии, стремление к достижению интегрализма ньютоновского знания – я склонен называть его когнитивным интегрализмом – не было насущной задачей, и в силу этого их работа, хотя и важная сама по себе, тем не менее не показывает Ньютона как интегрального мыслителя. Они обычно ограничивались тем, что могли использовать какую-либо новую, недавно найденную ньютоновскую работу в области натурфилософии, чтобы продолжать задавать вопросы о методе, а не о ньютоновской историографии или теологии.

Даже один из первых исследователей творчества Ньютона в XX в. Д.Т. Уайтсайд вряд ли заботился о том, чтобы получить доступ к основному теологическому и историографическому архиву Ньютона в Иерусалиме (архиву А.Ш.И. Яхуды). Ричард Уэстфолл тоже признавал, что в своей биографии Ньютона он сконцентрировался на натурфилософских идеях мыслителя, отбросив все остальные [30, p. 94]. Описывая научное становление Ньютона, Уэстфолл отмечает следующее: «...в течение восьми лет он ограничивал себя в неустанном поиске Истины. Гений Ньютона требовал от него тяжкого труда в этом поиске. Восемь лет питания от случая к случаю и бессонных ночей, восемь лет непрерывного самопожертвования, когда он сталкивался с Истиной на землях, до сих пор неизвестных человеческому духу, привели его к еще более упорной работе» [30, p. 239].

Ричард Уэстфолл здесь полностью прав, но эта Истина для Ньютона не была безликой, она была божественной Истиной. В связи с этим я ввожу понятие когнитивного интегрализма, которое бы адекватно описывало абсолютное единство идейной позиции Ньютона в его научных, философских, теологических и историографических трудах. Основные положения этого когнитивного интегрализма описаны в данной статье.

Список литературы

1. Dry S. *The Newton Papers: The Strange and True Odyssey of Isaac Newton's Manuscripts*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 238 p.
2. Дмитриев И.С. *Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи*. СПб.: Алетейя, 1999. 784 с.
3. Шаров К.С. Жив ли архив? Актуальность архивных исследований в современности на примере изучения неопубликованных манускриптов сэра Исаака Ньютона // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2018. № 3. Т. 1. С. 98–119.
4. De Morgan A. *Essays on the Life and Work of Newton* / Ed. by P. E. B. Jourdain. London, 1914. 226 p.
5. Guicciardini N. In Memoriam, Derek Thomas Whiteside (1932–2008) // *Historia Mathematica*. 2009. Vol. 36. P. 4–9.
6. *The Mathematical Papers of Isaac Newton* (in 8 vols) / Ed. by D.T. Whiteside. Cambridge, 1967–1981.
7. Westfall R.S. Award of the 1977 Sarton Medal to D.T. Whiteside // *Notes and Records of the Royal Society*. 1978. Vol. 69. P. 86–87.
8. Westfall R.S. The changing world of the Newtonian industry // *Journal of the History of Ideas*. 1976. Vol. 37. P. 175–184.
9. Westfall R.S. Newton's marvellous years of discovery and their aftermath: myth versus manuscript // *Isis*. 1980. Vol. 71. P. 109–121.
10. Westfall R.H. *Never at Rest: A Biography of Isaac Newton*. Cambridge, 1980. 908 p.
11. Yates F. *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*. London, 1964. 480 p.
12. McGuire J.E., Rattansi P.M. Newton and the «Pipes of Pan» // *Notes and Records of the Royal Society*. 1966. Vol. 21. P. 108–143.
13. McGuire J.E. *Tradition and Innovation: Newton's Metaphysics of Nature*. 3rd ed. Dordrecht, 1995. 312 p.
14. Kubrin D.C. Newton and the Cyclical Cosmos: Providence and the Mechanical Philosophy // *Journal of the History of Ideas*. 1967. Vol. 28. P. 325–346.
15. Cohen I.B., Smith G. E. (eds). *Newton: Texts, Backgrounds, Commentaries*. New York, 1995. 488 p.
16. Dobbs B.J. T. *The Foundations of Newton's Alchemy or «The Hunting of the Greene Lyon»*. Cambridge, 1975. 300 p.
17. Castillejo D. *The Expanding Force in Newton's Cosmos*. Madrid, 1981. 125 p.
18. Manuel F.E. *Isaac Newton, Historian*. Cambridge, Mass., 1963. 307 p.
19. Manuel F.E. *A Portrait of Isaac Newton*. Cambridge, Mass., 1968. 320 p.
20. Manuel F.E. *The Religion of Isaac Newton*. Oxford, 1974. 141 p.
21. Harrison J. *The Library of Isaac Newton*. Cambridge, 1978. 286 p.
22. Hall A.R. Newton's Revolution // *British Journal for the Philosophy of Science*. 1982. Vol. 33. P. 305–315.
23. Force J.E., Popkin R.H. *Essays on the Context, Nature, and Influence of Isaac Newton's Theology*. Dordrecht, 1990. 226 p.
24. Snobelen S.D. *Isaac Newton // Science and Religion: a Historical Introduction*, 2nd ed. / Ed. by Gary B. Ferngren. Baltimore, 2017. P. 123–139.
25. Leshem A. *Newton on Mathematics and Spiritual Purity*. Dordrecht, 2003. 240 p.
26. Mahoney M. On differential calculuses // *Isis*. 1984. Vol. 75. P. 366–372.
27. Brewster D. *Memoirs of the Life, Writings, and Discoveries of Sir Isaac Newton*, in 2 vols. 2nd ed. Edinburgh, 2013.
28. *Sir Isaac Newton and Albert Einstein: From Absolutism to Relativity*. The Biography Collection. Helsinki: Kolme Korkeudet Oy, 2019. 180 p.
29. *Sir Isaac Newton: One of the Greatest Minds of All-Time. The Entire Life Story (Great Biographies)*. Helsinki: Kolme Korkeudet Oy, 2018. 86 p.
30. Westfall R.S. *The Life of Isaac Newton*. Cambridge, 1993. 353 p.

**THE PROBLEM OF SYNTHESIS OF ISAAC NEWTON'S SCIENTIFIC,
THEOLOGICAL AND HISTORIOGRAPHICAL IDEAS**

K.S. Sharov

In this paper, the approaches to building Newtonian cognitive integralism are analysed, within which it would be possible to synthesise his scientific, theological and historiographical views. It is shown that without understanding the unity of Newton's thought, it may be extremely difficult to understand the meaning and purpose of many of his passages. An hypothesis is put forward that an adequate synthesis of the English thinker's scientific and theological ideas can be carried out on the basis of an analysis of the peculiarities of his unorthodox Christian faith.

Keywords: new European science, Newton, cognitive integralism, mathematics, hermeneutics, Christianity, theology, natural philosophy, historiography.

References

1. Dry S. *The Newton Papers: The Strange and True Odyssey of Isaac Newton's Manuscripts*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 238 p.
2. Dmitriev I.S. *Neizvestnyj N'yuton. Siluet na fone epohi*. SPb.: Aletejya, 1999. 784 s.
3. Sharov K.S. Zhiv li arhiv? Aktual'nost' arhivnyh issledovanij v sovremennosti na primere izucheniya neopublikovannyh manuskriptov sera Isaaka N'yutona // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2018. № 3. Т. 1. С. 98–119.
4. De Morgan A. *Essays on the Life and Work of Newton* / Ed. by P. E. B. Jourdain. London, 1914. 226 p.

5. Guicciardini N. In Memoriam, Derek Thomas Whiteside (1932–2008) // *Historia Mathematica*. 2009. Vol. 36. P. 4–9.
6. The Mathematical Papers of Isaac Newton (in 8 vols) / Ed. by D.T. Whiteside. Cambridge, 1967–1981.
7. Westfall R.S. Award of the 1977 Sarton Medal to D.T. Whiteside // *Notes and Records of the Royal Society*. 1978. Vol. 69. P. 86–87.
8. Westfall R.S. The changing world of the Newtonian industry // *Journal of the History of Ideas*. 1976. Vol. 37. P. 175–184.
9. Westfall R.S. Newton's marvellous years of discovery and their aftermath: myth versus manuscript // *Isis*. 1980. Vol. 71. P. 109–121.
10. Westfall R.H. *Never at Rest: A Biography of Isaac Newton*. Cambridge, 1980. 908 p.
11. Yates F. *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*. London, 1964. 480 p.
12. McGuire J.E., Rattansi P.M. Newton and the «Pipes of Pan» // *Notes and Records of the Royal Society*. 1966. Vol. 21. P. 108–143.
13. McGuire J.E. *Tradition and Innovation: Newton's Metaphysics of Nature*. 3rd ed. Dordrecht, 1995. 312 p.
14. Kubrin D.C. Newton and the Cyclical Cosmos: Providence and the Mechanical Philosophy // *Journal of the History of Ideas*. 1967. Vol. 28. P. 325–346.
15. Cohen I.B., Smith G. E. (eds). *Newton: Texts, Backgrounds, Commentaries*. New York, 1995. 488 p.
16. Dobbs B.J. T. *The Foundations of Newton's Alchemy or «The Hunting of the Greene Lyon»*. Cambridge, 1975. 300 p.
17. Castillejo D. *The Expanding Force in Newton's Cosmos*. Madrid, 1981. 125 p.
18. Manuel F.E. *Isaac Newton, Historian*. Cambridge, Mass., 1963. 307 p.
19. Manuel F.E. *A Portrait of Isaac Newton*. Cambridge, Mass., 1968. 320 p.
20. Manuel F.E. *The Religion of Isaac Newton*. Oxford, 1974. 141 p.
21. Harrison J. *The Library of Isaac Newton*. Cambridge, 1978. 286 p.
22. Hall A.R. *Newton's Revolution // British Journal for the Philosophy of Science*. 1982. Vol. 33. P. 305–315.
23. Force J.E., Popkin R.H. *Essays on the Context, Nature, and Influence of Isaac Newton's Theology*. Dordrecht, 1990. 226 p.
24. Snobelen S.D. *Isaac Newton // Science and Religion: a Historical Introduction*, 2nd ed. / Ed. by Gary B. Ferngren. Baltimore, 2017. P. 123–139.
25. Leshem A. *Newton on Mathematics and Spiritual Purity*. Dordrecht, 2003. 240 p.
26. Mahoney M. On differential calculus // *Isis*. 1984. Vol. 75. P. 366–372.
27. Brewster D. *Memoirs of the Life, Writings, and Discoveries of Sir Isaac Newton*, in 2 vols. 2nd ed. Edinburgh, 2013.
28. *Sir Isaac Newton and Albert Einstein: From Absolutism to Relativity*. The Biography Collection. Helsinki: Kolme Korkeudet Oy, 2019. 180 p.
29. *Sir Isaac Newton: One of the Greatest Minds of All-Time. The Entire Life Story (Great Biographies)*. Helsinki: Kolme Korkeudet Oy, 2018. 86 p.
30. Westfall R.S. *The Life of Isaac Newton*. Cambridge, 1993. 353 p.